

Н.В. Сергеева
С утра шёл снег.

С утра шёл снег.

Он падал неспешно, чуть наискось, и все легковые машины, стоящие в ряд под окнами пятиэтажных домов, побелели, запорошенные снегом.

Иномарка синего цвета плавно подъехала к подъезду одного из домов, оставляя за собой тёмные полосы на побелевшем асфальте. Водитель припарковался рядом с машиной, превратившейся в сугроб на колёсах.

Артем вышел из автомобиля и смахнул с лобового стекла налипший снег. Нажатием кнопки он включил автосигнализацию и направился к подъезду, легко перепрыгивая через лужи в снегу.

Лена открыла дверь не сразу. Она недавно проснулась и теперь стояла в прихожей в белом махровом халатике, щуря глаза.

–Ещё спишь? – удивлённо спросил Артём, заглядывая в освещённую прихожую из сумрачного подъезда. В отличие от Лены, он был бодр, свеж и похож на воробья, только что слетевшего с ветки. – Я не стал звонить, думал, вы уже завтракаете. – Артем переступил порог и, наклонившись, поцеловал Лену.

–Как отец-то? – спросил он и кивнул на ближайшую дверь комнаты.

–Спит ещё, – сказала Лена.

Артем прошёл на кухню, взял с хлебницы коробок спичек и зажёл одну из ближайших на плите конфорок. Потом заглянул в белый эмалированный чайник.

–Что, опять без воды сидите?

–Вон там, в бутылки немного осталось, – Лена показала, где взять воды.

Артем перелил в чайник остатки воды из бутылки и поставил его кипятиться на пылающий голубой цветок газовой горелки.

–Я сегодня уезжаю, – повернувшись к Лене, сказал он, – дня на два ...– Как ты одна, справишься? – В светлой утренней кухне голова Артёма выделялась единственным тёмным пятном.

Лена сидела молча и, казалось, не слышала вопроса. Она глядела в окно. С летающими снаружи снежинками оно казалось холоднее обычного.

–Мне не привыкать, – спокойно ответила она.

Артём сел на свободный табурет, нога на ногу, и, сцепив в замок руки, начал их разглядывать. Руки были по-мужски грубы и красны от холода, с чётко выступающими венами. На запястье левой руки блестел металлический браслет часов.

–Что сказала врач? – Артём внимательно посмотрел на Лену.

–Как всегда, пить те же таблетки, – Лена подцепила с ворса халата чёрную нитку и стала скатывать её между пальцами в шарик,– как будто эти таблетки его вылечат,– немного раздражённо добавила она....

–Это всё же лучше чем ничего, – Артём вздохнул и, встав с табурета, стал наливать кипяток в кружку.

В это время из комнаты вышел отец. Это был седой, бледный старик с худыми ногами. В одной майке и семейных трусах, он, шаркая шлёпанцами, еле ковылял к двери туалета.

–Здорово! – громко сказал Артём и кивнул старику головой. Ленин отец не расслышал и не понял, что с ним здороваются, и скрылся за дверью. Артём перевёл взгляд на женщину.

–А ты что хотел? Что после инсульта и реанимации он будет прежним? Пока Лена кормила отца, Артём стоял в одной из комнат, у большого окна, и смотрел на белый простор за окном. Снег шёл, не переставая.

–Я поехал, – вдруг сказал он, заглянув на кухню.

–Уже, так скоро? – Лена застыла с недомытой в руке тарелкой.

Она вышла в прихожую и смотрела, как Артём молча застёгивает ботинки. Он ушёл, тихо прикрыв за собой входную дверь. Лена подошла к окну. Вот Артём подходит к машине, открывает дверцу, садится.

–Неужели я тебе стал безразличен?– отчётливо послышался в трубке телефона тихий голос.

–Нет, Артём. Почему ты так думаешь?– Лена удивилась вопросу и вспомнила на миг их поцелуй при расставании.

–Ты на меня даже внимания не обратила, на то, что я приехал, думала о чём - то своём...

–Артём, перестань, что за глупости ты говоришь; о чём мне ещё думать? Только об отце. Ты же видишь, какой он стал. А ты так говоришь...

–А что – я? Ты даже не спросила, как у меня дела...Что молчишь? – Артём был ещё на связи.

–Что говорить- то?

–Раз нечего, тогда пока.

–Зачем приезжал, только расстроил, – Лена смотрела вслед исчезающей за белым занавесом машине.– И так отдельно два месяца живём, а теперь ещё эти сцены!

На другой день ударили морозы. В квартире было зябко, неуютно, и Лена переставила все свои розы и фиалки с холодных подоконников на стол. Форточки она не открывала – боялась, продует отца.

Утром, как всегда, Лена его будила.

Валерий Григорьевич вздрогнул, открыл бледно – голубые, ещё мутные ото сна глаза и долго смотрел на дочь, склонившуюся над ним.

–Вставай, пора пить таблетки, – сказала она.

Валерий Григорьевич перенёс инсульт. Он попал в больницу, потом в реанимацию; лежал дома три месяца. Тогда ещё была жива мама... «Бедная мама, – вспоминала Лена. - Как тогда она переживала! Не плакала, держалась, только морщинок становилось с каждым днём всё больше».

После трёх месяцев, проведённых в кровати, отец встал, начал ходить. Это было настоящее чудо. И Лена, и мама верили тогда, что ещё немного, и отец поправится, и снова будет всё как прежде. Но это были лишь ожидания.

Валерий Григорьевич перестал слышать. Очень редко он говорил обрывистые фразы типа: «Я пошёл туда, спать», – и показывал на комнату. Потом снова замолкал, иногда на целый день. Лена с мамой пытались научить его говорить заново. Отец не понимал, что от него хотят, пожимал плечами. Кушать мог сам. В туалете справлялся, и то, слава Богу.

Отец откинул одеяло, спустил бледные ноги на пол, и, удобно усевшись, начал искать свои очки, которые обычно клал на ночь под подушку. Лена подала отцу трико, и он медленно, неторопливо начал надевать их, поглядывая на Лену снизу вверх, потом носки. Затем стал застёгивать мелкие пуговицы рубашки, покорно, аккуратно и, когда, наконец, оделся, пошёл к туалету, шаркая шлёпанцами.

Каша для него была уже готова. Жёлтая, маслянистая, она дымилась на тарелке. Но сначала нужно выпить таблетки. Они лежат кучкой тут же, на столе. Жёлтые и розовые, маленькие и большие, и половинки маленьких.

Валерий Григорьевич берёт одну таблетку из кучки и, обращаясь к Лене, спрашивает:

–Это мне? – и показывает на рот, мол, глотать?

–Да, да, – кивает головой Лена, – тебе.

Валерий Григорьевич, одна за другой, закидывает в рот таблетки, жуёт их, морщится, запивает водой, и всё это время внимательно смотрит на дочь. Потом берёт со стола ложку и придвигает поближе тарелку. Ест он осторожно, дуёт на горячую кашу.

Лена наливает в кружку чайную заварку, кипяток, добавляет лимонной водички, и напиток для папы готов. Кладёт еще три маленькие таблеточки, специальные, заменяющие сахар. Деду можно только их, но не сахар, потому что он – диабетик.

После завтрака отец отдыхает. Он сидит в большой комнате в кресле, перед телевизором – розовощёкий, разморённый, с отросшей седой щетиной. Смотрит в телевизор.

Лена до сих пор не знает – понимает что-то отец, когда смотрит телевизор или нет. Это для неё загадка. А сидеть он может долго, не один час. Иногда мужчину начинает клонить в сон, и он засыпает тут же, в кресле, склонив голову на грудь. Потом переходит на свой диванчик.

Когда приходит время обеда, Лена ведёт Валерия Григорьевича в ванную комнату, включает воду. Потом на минутку отлучается... и вот, Валерий Григорьевич заходит на кухню с сырыми руками, садится на свой табурет и долго глядит на руки, потом переводит взгляд на дочь. Глаза Валерия Григорьевича под круглыми очками кажутся больше и круглее, чем обычно. Лена быстро убегает в ванную выключить воду и приносит отцу полотенце. Отец, вытерев руки, по-хозяйски придвигает к себе железную миску со щами, берёт лежащие рядом ложку и хлеб, долго перемешивает содержимое тарелки и потом начинает есть. Зачерпывает бульон с капустой, дует на ложку, охлаждая его. И не смотрит на Лену.

Лена жила с отцом после смерти матери уже два месяца. Ей пришлось уехать от Артёма, с которым у них только-только началась семейная жизнь.

Однажды Лена заехала навестить родителей и долго звонила у двери. Мама не открывала. Она могла ненадолго отлучиться из квартиры – уйти до магазина или аптеки. Лена ещё подождала и решила своим ключом открыть дверь.

В квартире было тихо, только с кухни раздавались непонятные звуки. Лена на цыпочках выглянула из прихожей.

На белом табурете у стола сидел отец в майке, трусах, с босыми ногами и, качаясь телом вперед-назад, тихо мычал. Его очки, дужками вверх, лежали на пустом столе. Отец вытирал пальцами слезящиеся глаза, а пальцы вытирал о майку. Он смотрел в одну точку. Лена медленно пошла по коридорчику, и, так и не дойдя до кухни, стала пятиться назад, почувствовав невозможный холод. Ей было страшно заглянуть в это помещение и увидеть то, на что смотрел отец. Всё же Лена себя пересилила.

В маленькой кухне на полу лежало незнакомое грузное тело. К выходу протянулись окоченевшие ноги в знакомых красных тапочках.

Когда в квартире собрался народ, отец сидел в комнате на своей кровати и бил себя кулаком в грудь – никогда в жизни Лена не видела отца таким отчаявшимся. Он мычал и резко качал головой из стороны в сторону. Утешать его было бесполезно.

У мамы определили ишемию и инсульт. Она раньше частенько жаловалась на недомогание, слабость и головокружение. Но лечиться и ходить по врачам не любила. Лена еле-еле уговорила её съездить на обследование в

больницу, но ничего подозрительного тогда, месяц назад, у мамы не нашли. И тут такое...

Лена не могла привыкнуть к молчаливому житью рядом с отцом. Она каждый день пыталась с ним разговаривать. Знаками подзывала его к окошку на кухне, в которое они любили смотреть вместе с мамой. Показывала на проходящего мимо знакомого и громко спрашивала:

–Узнал?

Отец пожимал плечами, показывал на своё левое ухо, мотал головой и силно кричал: «Ничего не слышу».

Она давала ему в руки газету. Он брал газету, переворачивал её кверху тормашками и долго в неё смотрел. Потом откладывал в сторону.

Когда надо было, покорно шёл за Леной в ванную комнату. Жестами дочь показывала ему, что надо снять очки, умыться. Отец покорно делал, что ему велели, а потом вопросительно смотрел на Лену – что дальше?

Как-то раз, вечером, после ужина, Лена сидела и смотрела в вечернее окно.

Печаль и горечь навалились своим тяжёлым покрывалом, Лене стало так тоскливо, что сразу все невыплаканные слёзы градом обрушились из её глаз. Она сидела на той же самой табуретке, на которой плакал и качался отец, а теперь сама утирала свои слёзы. Вдруг кто-то коснулся её плеча. Лена обернулась и увидела отца. Папа стоял сзади в тусклом свете электрической лампочки с размытыми очертаниями фигуры, словно привидение.

–Па, ты чего? – спросила Лена, вытирая слёзы.

Отец подошёл и погладил её по голове. Как в детстве. И сказал:

–Не плачь. Я ведь тоже умру.

Лена вскочила с табурета, бросилась к отцу, обняла его. Она всматривалась в его глаза, пытаясь понять – неужели к нему вернулся разум? Валерий Григорьевич тоже обнял дочь, но ничего больше не сказал. Так они и стояли у мёрзлого зимнего окна.

На другой день, когда отец был накормлен, побрит и посажен в комнате перед телевизором, Лена пошла в аптеку.

В первый раз, когда Лене нужно было отлучиться по делам, она решила посмотреть, а что папа будет делать, когда останется в квартире один. Она спряталась в прихожей за шкафом и выглядывала оттуда, наблюдая.

Отец сидел перед телевизором; молча, как всегда, смотрел на экран. Потом начал зевать. Прошёл на кухню, никого там не увидел и вернулся в

комнату. В комнате он прилёт на кровать и уснул. А Лена спокойно пошла в магазин.

На улице был мороз. Знакомая девушка в фиолетовых колготках и вязаном платке прогревала свою машину, счищая маленьким скребком наледь со стёкол. Она кивнула Лене и тут же забралась в салон своего автомобиля.

Лена пошла вдоль дороги. Небо было ясное. С крыш слетали и сверкали на солнце широкие снежные пластинки. Берёзы промёрзли насквозь и стояли теперь в необычном, стеклянном ином. Лене думалось – тронешь вот такую хрупкую ветку – и она со звоном рассыплется.

Пруд в центре городка давно замёрз. Обычно у моста оставалась небольшая промоина, куда попадали сточные тёплые воды льнокомбината, и в котором всегда плавали утки. Но в такие морозы и утки, и промоина исчезли; промоину занесло снегом, утки, вероятно, перебрались в места более тёплые. И теперь на берегу было тихо без утинового кряканья, без людей, подкармливающих птиц. Тихо и бело.

Когда Лена возвращалась из аптеки, высокая фабричная труба уже контрастно выделялась на золотистом предвечернем небе, и тонкие огненные облака-стрелы окружали её. Из трубы валил густой фиолетовый дым, подсвеченный со стороны солнца розовым ободком.

Где сейчас Артём? Почему не звонит?

Лена решила позвонить сама.

–Привет, Артём. Ты так быстро исчез тогда, в пятницу, мы с тобой толком и поговорить-то не успели. Когда приедешь?

Голос Артёма был приглушён шумом двигателя автомобиля.

–Не знаю. Так замотался в последнее время, так устал, будто вагоны сутками разгружаю...Я в Москве.

–В Москве...– разочарованно протянула Лена.

–Как отец?

–Отец как всегда, а я ...

Лена не договорила. Руки без перчаток совсем замёрзли, сенсорный экран не слушался, и вдобавок ко всему ещё и отключился. Лена почти забежала в свой подъезд.

Быстро поднялась на пятый этаж, с замиранием сердца вставила ключ в дверной замок. Её руки тряслись. Теперь всегда, когда она подходила к своей двери, Лена волновалась. Открыла квартиру и сразу заглянула в комнату. Отец лежал на спине с приоткрытым ртом и храпел.

Вечер снова проходил в заботах. В ванной, чуть ударяя о стену, мелко тряслась стиральная машина, отжимая скопившееся за неделю белье. Лена готовила ужин, отец сидел перед телевизором в комнате.

Ночью Лена лежала в кровати; ей не спалось. Она угадывала каждый шорох, каждый звук извне – это поднимаются по лестнице этажом ниже, а это разговаривают соседи через стенку.

Лена достала мобильный телефон, нашла библиотеку видеофильмов. Включила фильм. Картины на дисплее менялись одна за другой, а девушка смотрела кино, но не видела. Она всё думала об Артёме – где он сейчас, почему в последнее время так холоден с ней; неужели их отношения разладятся?

Потом Лена щёлкнула выключатель настольной лампы.

Лампа осветила ровную плоскость стола со скатертью; стали различимы фотографии на стене. Портрет деда в тёмной раме, мамина старинная фотография, где она ещё молодая, без морщинок. Держит в руках ветку сирени и улыбается. И при взгляде на мамину фотографию Лене вдруг стало легко и спокойно, словно в маминой улыбке она увидела одобрение – всё она, Лена делает правильно.

Лена положила телефон на стол, выключила лампу и уснула.

Артём ехал домой. Взгляд его был напряжён, прикован к зимней дороге. Работали дворники. Встречные снежинки с огромной скоростью мчались из темноты навстречу машине и влетали в лобовое стекло – легко, бесшумно. И отлетали в сторону. Негромкая музыка играла в салоне.

Артёма обогнала газель с синим фургоном, за ней – вторая, третья и четвёртая – все одинаковые.

–«Откуда такие машины? – подумал Артём и присмотрелся к удаляющейся группе. – Номера питерские...»

Цепочка оранжевых фонарей над мостом ярко светила в ночном небе. Когда машина Артёма выехала из оранжевого света фонарей, всё вокруг стало резко синим. « Жизнь моя словно дорога, – подумал Артём, – полоса светлая, полоса тёмная. Светлая – жизнь с Леной. А тёмная – без неё. Всё просто».

Артемом скучал без Лены, он привык к тому, что она живёт и хозяйничает в его доме. Привык видеть её по утрам на кухне ещё немного сонную, но причёсанную, в халатике, бархатных шлёпках; пить с ней чай. Вставать по утрам, а тем более укладываться одному было теперь тоскливо. И как он раньше жил без неё? Непонятно. Вот она, любимая женщина, совсем недалеко, но волею судьбы не рядом. Нужно что-то решать, менять.

Утром следующего дня в прохладной спальне Артёма сработал будильник телефона. словно кто-то постучал маленьким молоточком по тонкому листу железа, а потом заиграла музыка. Лена как-то спросила Артёма, зачем он поставил себе такую мелодию для будильника. Артём усмехнулся и ответил: «Он такой противный, что хочется поскорее встать и выключить его!»

У Лены музыка была другая, с шумом моря, криками чаек и дельфинов. Когда Лена была ещё здесь, оба будильника иной раз срабатывали вместе, и эта отчаянная дробь с криками животных по утрам заставляла двух людей мгновенно вскакивать с кровати, чуть не стучаясь лбами. Лена с Артёмом смеялись такой побудке.

Арте́м сел на кровати, надел джинсы. Через десять минут мужчина появился на кухне полностью проснувшийся, с гладкой кожей щёк и лёгким ароматом парфюма. Он остановился у зеркала в прихожей, под которым было место рыжего сеттера.

Джесси приподняла голову, внимательно посмотрела на хозяина и мелко застучала хвостом о деревянную полку для обуви.

–Что смотришь? – спросил её Артём.– Выспалась? А я – нет.

Он взъерошил пятернёй макушку, сделал ёжик на голове, внимательно посмотрел в зеркало. Нахмурился и прошёл на кухню.

Артём поставил на плиту чайник, забыв зажечь под ним огонь, отошёл от плиты, потом вернулся, зажёл спичку и включил конфорку. Сел за стол перед книгой, задумался. Взгляд его упал на строки текста, и мужчина зачитался. Когда чайник засвистел, Артём с трудом оторвался от чтения, захлопотал, заваривая в кружку ароматный чай с бергамотом. Светлый пар из кружки поднимался высоко и клубился на фоне окна, за которым шёл снег. Артём снова сел читать.

Собака завозилась на подстилке и вдруг залаяла, побежав к входной двери.

–Привет, охранница, – услышал мужчина знакомый звонкий голос, и, быстро привстав со стула, чуть не упал.

Улыбающаяся Лена в красном пуховике зашла на кухню. В её темных волосах блестели растаявшие снежинки.

–Привет, а я на такси приехала, думаю – туда и обратно. Хотела увидеть тебя до работы.– Лена присела на свободный стул, неторопливо стала растёгивать молнию пуховика.

–А где отец?– растерянно спросил Артём.

–Дома, где же ещё? Покушал хорошо, думаю, часа два точно будет спать.

–Сама-то завтракала?– мужчина заглянул в шкафчик, где хранились хлеб и печенье.– Что хочешь? Чай? Кофе? – спросил он.

Артём снова поставил чайник, зажёл под ним огонь и подошёл к столу. Взялся за спинку стула, на котором сидела девушка и замер. Присел на свой стул. Внимательно посмотрел на Лену.

–Лен, перебирайтесь с отцом ко мне....А то – что за жизнь у нас такая получается? Всё по отдельности, врозь...

Лена молчала, опустив глаза. Потом она словно очнулась и тихо сказала:

–Хорошо. Когда?

Собака сидела посреди кухни, высунув язык, и часто дышала.

–Что подслушиваешь? – с иронией в голосе заметил Артём и добавил уже повелительно: – Иди на место, дом охраняй!

Он качнул на коленях уютно устроившуюся Лену:

–Лен, пора на работу, опаздываю.

Джесси, наблюдая за хозяевами из дверного проёма, засеменила в прихожую.